

Лев Айзенштадт

С Т Е Х И

Уйдем, давай уйдем
В мой необжитый сад.
И я покажу тебе дом,
В котором уже не грустят.
Дом на краю глуши,
Выбелена стена.
И на столе — бузин,
В комнате — тишина.
Куст растет за окном,
Лаконится пчела.
Кончится день добром,
Ниче, как и вчера.
Видишь, луна кругла.
Полночь падает ниц.
Глянем мы в зеркала
И не узнаем лиц.

Вот стрекоза, прилепшая к стеклу,
Мурмашая, сухая оболочка,
Без устали разглядывает вглубь,
Что достигаает спелости полночной.

С полудня залетавшая сюда,
Застывшая на крохотных пуантах,
Прозрачная крылатая следа
На грязной и заброшенной веранде.

Вот так и умерла, не разобрав,
Зачем окно и скользкая преграда,
Зачем надостыжками свежесть сада —
Ведь только и хотела, что добра.

В теле, прекратившее полет,
Изнаноголо от ошмиданья сада.
В черный бисер высохшего взгляда
Утрачен за оконный переплет.

Владела нами странная пора,
 Пора сместоченного веселья.
 А на деревьях бусины вкосоли,
 Готского сорваться серебра.

Промокший лес, холодная скемья,
 Достоинство, прикущее природе,
 Отпугивало нас, явлено к свободе
 Безрадостной: свободе забытья.

К поутру вчерашний балаган
 Казался, как всегда, необходимым.
 Не становились эли и немодными,
 И расходились к нашим облакам.

А поутру блектали на дворе
 Ослепшие от янвя березы.
 И женщина удерживала слезы,
 И говорила что-то о добре.

Линьлись

У Багала на крышах сумасшедший скриняч,
 Он сейчас разобьется, превратится в калач.

Проваливает над трубой и обнимет луну,
 Разольет голубую свою седину.

Он поднимет проталины и оранжевый вой,
 Чтобы конь спотыкнулся на торце востовой,

Чтобы зрела тыльняны в голубой лебеди
 Чтобы женщина шла по зеленой воде.

У Багала на крышах сумасшедший еврей,
 Он совсем не разбойник и не солдней.

Он летает в оседлой густой глиине,
 И, счастливый, садится на плечи жене.

Поднимает бокалы за нас и за вас,
И целует корошу в немгающий глаз.

И Кагала на краях горит камениль,
Деревяниного Витбокса ветхая пыль.

х х х

Что с нами происходит? Нет, не так.
Творится что? Страдательным залогом
Знамя вырвана. Только ненароком
Листье кумицей выслушана в такт.

Прислушиваясь в молесту. О чем?
— Что мы вольны себя еще растратить.
Как хорошо, что нам уже не следить
С немолкующими над голоной ручьем.

О, если бы мы жили наббум,
О завтрашнем труде не беспокоясь,
В эту жизнь не принимать за повесть,
Но понимать, как проходящий шум.

Осмохались... Не престолюший взгляд
Вне случаи, торонлив и редок.
И в глубине переплетенных веток
Скрывается невыслушанный лад.

Третье апреля

Где меня не забудут, найдутся дома.
Где обмолятя словом, припомнят.
И апрельского неба глубокий размах
Будет мне улыбки и понят.

И не надо ни сердце свое надрывать,
Ни вымучивать чужую память —
Будет вновь поглубже снег поздрават,

И опять будет восторгом горланить.

Так начнется для нас опрокинутый день:

Перевертыв тоски и веселья—

Кашкунами по льду выбивать дребедень

Голубую,

затянуть безделье.

и устроить застолье до самой ночи...

И — внезапно — я был или не был,

Только б вы увидели, как ветки торчат:

Несказанно, точно, зелено.

.....